

ОДИССЕЙ

2006

2006 * ОДИССЕЙ

Феодализм перед судом
историков

«Устранение необоснованного
многообразия»...

Майстер Экхарт
и Григорий Палама

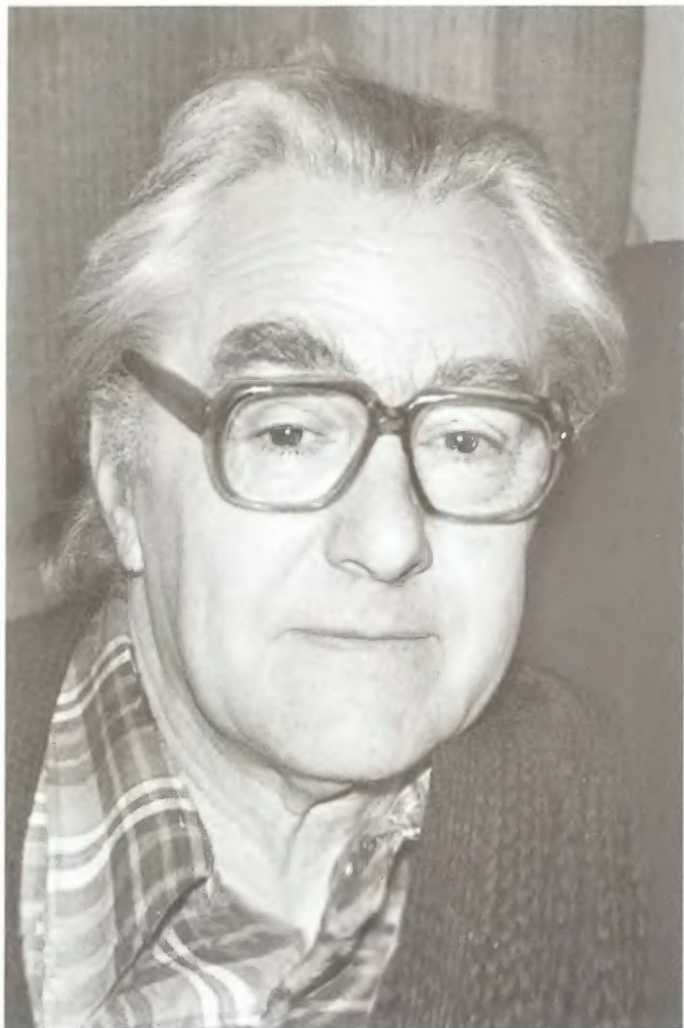
Семиотика «дедовщины»

Житие Святого Патрика: взгляд
из VII века

Культ Фрейра в Швеции

НАУКА

Арон Яковлевич
ГУРЕВИЧ
(1924–2006)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Feudalism
on Historians' Trial*

2006

MOSCOW NAUKA 2006

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Феодализм
перед судом историков*

2006

МОСКВА НАУКА 2006

Издание основано в 1989 году

Главный редактор **А.Я. ГУРЕВИЧ**

Редакционная коллегия:

М.Л. АНДРЕЕВ, Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО (ответственный секретарь),
Б.С. КАГАНОВИЧ, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. главного редактора),
В.Н. МАЛОВ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ, М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Секретарь редакции **И.Г. ГАЛКОВА**

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Е.М. МЕЛЕТинский,
В.И. УКОЛОВА, А.О. ЧУБАРЬЯН

Рецензенты:

доктор исторических наук **С.Г. КАРПЮК,**
кандидат исторических наук **А.С. КЛЕМЕШОВ**

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории. – М. : Наука, 1989. –

2006 : Феодализм перед судом историков [гл. ред. А.Я. Гуревич]. – 2006. – 493 с. – ISBN 5-02-034005-7.

Главная тема выпуска – концепция феодализма с точки зрения современной исторической науки. Публикуются статьи по истории этого понятия и сравнительно-исторические исследования, в том числе А.Я. Гуревича “О средневековой крестьянской цивилизации”. В разделе “Культурная история социального” анализируются социальные аспекты нормирования языка в Германии; феномен насилия в российской армии рассматривается сквозь призму семиотического подхода. Внимание читателей привлекут статья о европейскости России и публикации “Жития святого Патрика” и “Пряди об Эгмунте Битом”.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Темплан 2006-I-307

ISBN 5-02-034005-7 © Институт всеобщей истории РАН, 2006

© Коллектив авторов, 2006

© Российская академия наук и Издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1995 (год основания), 2006

© Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ

<i>П.Ю. Уваров</i> В ПОИСКАХ ФЕОДАЛИЗМА	5
<i>А.Я. Гуревич</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИКОВ, ИЛИ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	11
<i>И.В. Дубровский</i> КАК Я ПОНИМАЮ ФЕОДАЛИЗМ	50
<i>Л.А. Пименова</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О “ФЕОДАЛЬНОМ” В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ XVIII в.	63
<i>А. Герро</i> ФЬЕФ, ФЕОДАЛЬНОСТЬ, ФЕОДАЛИЗМ. СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ И ИСТОРИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ	77
<i>Н.А. Селунская</i> “СЕНЬОРИЯ, ОБЩИНА И ВАССАЛИТЕТ ПРОСТОЛЮДИНОВ”, ИЛИ “ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ РЕЙНОЛЬДС”	114
<i>П.В. Лукин</i> ПРАЗДНИК, ПИР И ВЕЧЕ: К ВОПРОСУ ОБ АРХАИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ ВОСТОЧНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.....	134
<i>П.С. Стефанович</i> БОЯРСКАЯ СЛУЖБА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ	151
<i>В.Я. Петрухин</i> ФЕОДАЛИЗМ ПЕРЕД СУДОМ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	161
<i>П.Ю. Уваров</i> ФЕОДАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ	171
<i>А.Я. Гуревич</i> POST SCRIPTUM: PEASANT SOCIETY И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ	184

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО*И.Е. Суриков*

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ДРАКОНТА И СОЛОНА: РЕЛИГИЯ, ПРАВО И ФОРМИРОВАНИЕ АФИНСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ОБЩИНЫ	201
--	-----

К.А. Левинсон

“УСТРАНЕНИЕ НЕОБОСНОВАННОГО МНОГООБРАЗИЯ”: НОРМИРОВАНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ В ГЕРМАНИИ XIX В. И ЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТЕКСТ	221
--	-----

К.Л. Банников

“ПОТОМУ ЧТО АБСУРДНО”: СЕМИОТИКА НАСИЛИЯ В МЕТАМОРФОЗАХ СОЦИОГЕНЕЗА	261
---	-----

А.Г. Левинсон

ГОСЗАКАЗ НА ДЕДОВЩИНУ: КРАТКОЕ ЗАМЕЧАНИЕ	279
--	-----

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ*М.Ю. Реутин*

МАЙСТЕР ЭХХАРТ – ГРИГОРИЙ ПАЛАМА (К СОПОСТАВЛЕНИЮ НЕМЕЦКОЙ МИСТИКИ И ВИЗАНТИЙСКОГО ИСИХАЗМА).....	285
---	-----

С.И. Лучицкая

ХРИСТИАНСКО-МУСУЛЬМАНСКАЯ ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ЭПОХУ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	319
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ*Г.В. Бондаренко*

МУРЬХУ МОККУ МАХТЕНИ: ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ ИРЛАНДИИ И РОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СВЯТОСТИ	351
--	-----

Мурьху мокку Махтени

ЖИТИЕ СВЯТОГО ПАТРИКА (перевод Г.В. Бондаренко и С.В. Шкунаева, комментарии Г.В. Бондаренко)	363
--	-----

Е.А. Гуревич

КУЛЬТ ФРЕЙРА В ШВЕЦИИ. “ПРЯДЬ ОБ ЭГМУНДЕ БИТОМ ИГУННАРЕ ПОПОЛАМ” (перевод, комментарии и статья Е.А. Гуревич)	390
---	-----

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

Б.Н. Миронов

ДИСКУРС О ЕВРОПЕЙСКОСТИ РОССИИ, ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ ЕВРОПЫ: ЕВРОПА С РОССИЕЙ ИЛИ БЕЗ?.....	420
--	-----

РЕЦЕНЗИИ И РЕФЕРАТЫ

Л.П. Лаптева

У ИСТОКОВ ТРАГЕДИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>М.А. Робинсон. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 30-х годов). М., 2004</i>	444
---	-----

ЮБИЛЕИ.....	458
-------------	-----

К СТОЛЕТИЮ Леонида Ефимовича ПИНСКОГО	458
---	-----

ПАМЯТИ УШЕДШИХ.....	469
---------------------	-----

Михаил Леонович ГАСПАРОВ (1935–2005).....	469
---	-----

Владимир Николаевич ТОПОРОВ (1928–2005)	471
---	-----

Елеазар Моисеевич МЕЛЕТИНСКИЙ (1918–2005).....	478
--	-----

Арон Яковлевич ГУРЕВИЧ (1924–2006)	480
--	-----

SUMMARIES	481
-----------------	-----

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	487
----------------------------	-----

CONTENTS

FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL

<i>P.Yu. Uvarov</i> IN SEARCH OF FEUDALISM.....	5
<i>A.Ya. Gurevich</i> FEUDALISM ON HISTORIANS' TRIAL, OR MEDIAEVAL PEASANT CIVILISATION REVISITED.....	11
<i>I.V. Dubrovsky</i> MY PERCEPTION OF FEUDALISM	50
<i>L.A. Pimenova</i> THE DELIBERATIONS ON THE "FEUDAL" IN THE 18TH CENTURY PRE-REVOLUTIONARY FRANCE	63
<i>A. Guerreau</i> FIEF, FEUDALITY, FEUDALISM. SOCIAL ORDER AND HISTORICAL THOUGHT	77
<i>N.A. Selunskaya</i> "SIGNORIA, COMMUNES AND VASSALAGE OF THE BASE-BORN PEOPLE", OR "ASSUMPTION OF S. REYNOLDS' INNOCENCE"	114
<i>P.V. Lukin</i> FESTIVAL, FEAST AND VECH: ON SOME ARCHAIC FEATURES OF WESTERN AND EASTERN SLAVS' SOCIAL ORDER	134
<i>P.S. Stephanovich</i> THE BOYARS' SERVICE IN MEDIAEVAL RUS'	151
<i>V.Ya. Petrukhin</i> FEUDALISM ON TRIAL OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY	161
<i>P.Yu. Uvarov</i> FEUDALISM IN THE 21ST CENTURY	171
<i>A.Ya. Gurevich</i> POST SCRIPTUM: "PEASANT SOCIETY" AND PROFESSOR CHRIS WICKHAM	184

CULTURAL HISTORY OF THE SOCIAL

<i>I.E. Surikov</i> THE LEGISLATIVE REFORMS OF DRAKON AND SOLON: RELIGION, LAW AND THE FORMATION OF ATHENIAN CITIZEN COMMUNITY	201
--	-----

K.A. Levinson

"THE REMOVAL OF THE UNFOUNDED VARIETY": LANGUAGE NORM SETTING IN THE 19TH CENTURY GERMANY AND ITS SOCIO-CULTURAL CONTEXT	221
--	-----

K.L. Bannikov

<i>QUIA ABSURDUM</i> : THE SEMIOTICS OF VIOLENCE IN THE METAMORPHOSES OF SOCIOGENESIS	261
---	-----

A.G. Levinson

THE STATE ORDER FOR <i>DEDOVSCHINA</i> . A BRIEF REMARK	279
---	-----

COMPARATIVE HISTORY

M.Yu. Reutin

MEISTER ECKHART AND GREGORY PALAMAS. ON THE SIMILARITY BETWEEN THE THEOLOGICAL TEACHINGS OF GERMAN MYSTICISM AND BYZANTINE HESYCHASM.....	285
---	-----

S.I. Luchitskaya

CHRISTIAN-MUSLIM IMAGOLOGICAL POLEMICS IN THE TIME OF THE CRUSADES	319
--	-----

PUBLICATIONS

G.V. Bondarenko

MUIRCHÚ MOCCU MACHTHENI: CONVERSION TO CHRISTIANITY IN EARLY IRELAND AND THE BIRTH OF NATIONAL SAINTHOOD	351
--	-----

Muirchú moccu Machtheni

THE LIFE OF SAINT PATRICK (<i>translated by G.V. Bondarenko, S.V. Shkunaev, notes by G.V. Bondarenko</i>)	363
---	-----

Ye.A. Gurevich

FREYR'S CULT IN SWEDEN. "THE STORY OF EGMUND THE BEATEN AND GUNNAR HALF-AND-HALF" (<i>translation and notes by Ye.A. Gurevich</i>)	390
--	-----

HISTORY OF RUSSIA: *QUO VADIS?*

B.N. Mironov

A DISCOURSE ON EUROPEAN FEATURES OF RUSSIA, OR THE CONSTRUCTION OF EUROPE: EUROPE WITH RUSSIA OR WITHOUT?....	420
---	-----

BOOK REVIEWS

L.P. Lapteva

AT THE SOURCES OF RUSSIAN HUMANITARIAN *INTELLEGEN-*
CIA'S TRAGEDY

<i>M.A. Robinson. The Fortunes of Academic Elite: Russian Slavic Studies (1917 – early 1930-s). Moscow, 2004</i>	444
ANNIVERSARIES	458
The 100th Anniversary of Leonid Efimovich PINSKY	458
IN MEMORIAM.....	469
Mikhail Leonovich GASPAROV (1935–2005).....	469
Vladimir Nikolaevich TOPOROV (1928–2005)	471
Yeleazar Moiseevich MELETINSKY (1918–2005).....	478
Aron Yakovlevich GUREVICH (1924–2006).....	480
SUMMARIES	481
SOURCES OF ILLUSTRATIONS.....	487

POST SCRIPTUM:
PEASANT SOCIETY
И ПРОФЕССОР КРИС УИКХЕМ*

В опыте историка, который на протяжении многих лет работает по какой-то существенной для него проблеме, наверняка случаются эпизоды, подобные следующему. Вполне неожиданно обнаруживается, что вопросы, его тревожащие, почти в то же самое время занимают и других исследователей. Самое общее объяснение такого рода феноменов состоит, по-видимому, в том, что в научной “атмосфере” рассеяны некие смысловые единицы (“эпистемы”), сближающие между собой историков даже при отсутствии контактов между ними. Вполне правдоподобно, что эти историки не столь уж решительно отрезаны друг от друга, и кристаллизация одной и той же проблемы происходит в момент, когда они набредают на общие понятия, на такой концепт, углубление в который с неизбежностью и даже принудительностью побуждает их к одинаковому или близкому ходу мысли.

Это присказка. Сказка же такова. Весной 2005 г. я подготовил текст, который был призван сыграть роль провокации для новой постановки вопроса о феодализме. Этот текст был размножен и распространен среди коллег, а затем доложен мною в их собрании и обсужден. Но как только все эти процедуры закончились, мне стало известно, что в Оксфорде подготовлена к публикации и, кажется, уже печатается монография известного английского историка Криса Уикхема “Очерчивая раннее Средневековье”. Благодаря исключительной любезности лично не знакомого мне автора и некоторых московских коллег, я получил доступ к этой обширной монографии, имеющей подзаголовок “Европа и Средиземноморье в 400–800 гг.”¹ Я уже раньше был наслышан о некоторых трудах этого медиевиста, и в моем упомянутом выше докладе о феодализме ссылаюсь на статью Уикхема, уловив в ней понятийное содержание и методические подходы, которые и мне представляются близкими и плодотворными.

Ознакомившись с центральными главами нового произведения Криса Уикхема, я убедился в том, что было бы ошибочным и нелепым обойти его молчанием. Расходясь во многом и существенном, мы, вместе с тем, вольно или невольно разрабатываем одну и ту же проблему – проблему “крестьянской цивилизации” или “аграрного общества” (все эти дефиниции не лишены искусственности и услов-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05-01-01502а.

ности). Будучи марксистом, профессор Уикхем даже предпочитает более сильные выражения: “крестьянский способ производства”, каковому он находит историческое место между рабовладельческим и родоплеменным обществами, с одной стороны, и “феодальным способом производства” – с другой. По мысли Уикхема, наличие “крестьянского способа производства” является логически необходимой чертой раннесредневековой экономики, хотя в чистом виде этот способ производства, по признанию автора, нигде на Западе не обрывается.

Такая система понятий и дефиниций, боюсь, может ослабить интерес читателя этого обширного труда. В самом деле, если характеристику феодального способа производства оксфордский коллега, завершивший свой титанический труд на рубеже нового тысячелетия, без оговорок и уточнений (не говоря уже о ревизии или новом подходе) целиком и полностью заимствует из “Капитала”, то я, при всем безграничном уважении к Марксу, обескураженно умолкаю. Ибо чтение книги “Очерчивая раннее Средневековье” вновь ставит меня перед все тем же глубочайшим недоумением: каким образом философско-социологические и общеисторические генерализации, сформулированные в середине XIX в., могут мирно уживаться с колоссальным материалом накопленных с тех пор конкретных наблюдений?

Однако, наверное, несправедливо начинать знакомить читателя с этим трудом, критикуя автора со столь общих позиций. Вообще, то, что я хотел бы выразить в этой моей реплике, продиктовано, в первую очередь, стремлением по возможности выявить общность позиций. Мы оба, Уикхем и я, пытаемся прояснить смысл понятия “крестьянская цивилизация”. В какой мере оправдано оперирование подобным концептом применительно к средневековому европейскому миру и какие новые ракурсы изучения этого феномена историк был бы способен при этом получить?

Первое, что не могло не привлечь моего внимания, было следующее: оба мы работаем – каждый по-своему – с набором case studies. Как я это сделал, читателю нетрудно убедиться, возвратившись к предыдущим страницам настоящего сборника. Что касается оксфордского коллеги, то его cases обладают совершенно иным удельным весом. Поприще, на котором он работает, – это вся римская и послеримская Европа, равно как и Средиземноморье, включая Малую Азию и Египет. Обширные провинции империи сгруппированы Уикхемом в семь регионов. Иначе говоря, если я копошусь с теми или иными “казусами” на сугубом микроуровне, то приборы, посредством коих работает Уикхем, – это скорее телескопы. Как явствует из “Введения” в его монографию, вдохновлявшими его научными образцами были те грандиозные попытки

синтеза, которые еще в начале истекшего столетия были предприняты Альфонсом Допшем и Анри Пиренном. Уикхем вновь, но с новыми вопросами обращается к обзору целостной европейской панорамы, которая, как уже было упомянуто, охватывает и весь Средиземноморский мир.

В центре внимания исследователя – способы хозяйствования и организации производства и эксплуатации рабочей силы. Все эти регионы: окрестности г. Лукка, Средний Рейн, Иль-де-Франс, Анатолия, Сирия и Палестина, Египет и англо-датский регион – в меньшей или большей мере различаются между собой, но в конечном итоге автор приходит к утверждению, что к концу позднеримского периода рабовладельческий способ производства уже изживал себя, и на смену ему приходили новые формы собственности на средства производства и, соответственно, изменялось положение трудящихся – колонов, арендаторов, рабов. Об этом, если не ошибаюсь, мы уже слышали, и не раз. Однако профессор Уикхем подчеркивает другое обстоятельство – изживание позднеримских социально-экономических условий сделало более ясно видимой фигуру крестьянина. Это понятие, “крестьянин”, если в него более пристально всмотреться и не следовать бездумно расхожему стереотипу, отнюдь не столь очевидно – и в общеисторическом, и в социально-экономическом, и в культурно-психологическом ключе.

Признаться, я ожидал от автора более развернутого и углубленного анализа этого понятия. Но, во всяком случае, крестьянин, так или иначе, хотя бы в обобщенном виде фигурирует в каждом из обрисованных автором регионов. Повсюду над крестьянами высятся сильные мира сего – владельцы римских “вилл” и “фундусов”, чиновники, сборщики налогов, военачальники и, пожалуй, более всего заметные в сохранившихся источниках епископы и другие церковные владыки. Смена власти и усиление влияния христианской церкви привели, помимо всего прочего, к тому, что архивы, хранящие свидетельства о движении земельной собственности и ее закреплении за новыми обладателями, о формах и размерах ренты, взимаемой с крестьян и арендаторов, – суть, почти полностью, архивы церковные. А потому феодализм, вырисовывающийся при анализе этих архивов, есть феодализм церковный. При всей опасности аргументации *ex silentio* мы все-таки никак не можем отвергнуть подозрение, что обладатели многих, весьма многих, земельных владений, не подчиненных церковной юрисдикции, оставались на своих участках.

Case в том смысле и объеме, в каком он употребляется в книге Уикхема, едва ли вполне удовлетворяет требованиям микроанализа, ибо включает в свой состав слишком многих и слишком многое. Поэтому вполне логичным кажется то, что автор, оперируя понятиями

собственности, ренты, держания, хозяйственной и правовой зависимости и т.п., совершенно обходит стороной человеческого индивида. Кажется допустимым, что он, отвечая на подобный упрек, мог бы сослаться на отсутствие текстов, в которые каким-либо образом могло бы пробиться отдельное человеческое существо, не принадлежавшее ни к духовной, ни к правящей элите.

Но, многочтимый коллега, подобные источники, пусть редко, все же имеются. Частично они собраны мною в приведенной выше статье. Число их, к нашей досаде, крайне невелико и едва ли существенно возрастет при дальнейших изысканиях, но весь вопрос – не в количестве обнаруженных экземпляров, а, я бы сказал, в их качестве. Соответствующие тексты, прозаические и поэтические, позволяют узнать человеческого индивида начала Средневековья “изнутри”, в его высказываниях и суждениях, в его мироощущении. И тогда обнаруживается, что простой человек, вынужденный признать над собой власть более могущественного, переживает внутреннюю драму, а земельный собственник, для того чтобы отстоять свои права, мобилизует всю историческую (и мифологическую) память, в результате чего оказывается участником борьбы своих бесчисленных предков, легендарных героев и языческих богов против сил зла – судебная тяжба перерастает в его воображении и в поэтическом сознании эпохи в мировую драму, исход которой решается на судебном собрании.

Что касается экзотичности приведенных в моей статье примеров, их концентрации на скандинавском Севере, то я хотел бы вновь со всей определенностью подчеркнуть: дело вовсе не в том, под какими широтами и в какой сезон был записан текст, в котором определенным поэтическим или любым иным образом нашли выражение внутреннее состояние культуры, верования и убеждения людей, их религиозность и менталитет. То, что авторы исландских саг, скальдических песней и поэм “Старшей Эдды” выразили, всякий раз по-своему, собственные умонастроения и картину мира, убеждает меня в том, что духовная жизнь людей той эпохи, независимо от того, к какому региону они относились, была неотъемлемой существеннейшей стороной их социальной жизни. В конце концов, не столь важно – в том плане, в каком я хотел бы рассмотреть эту проблему, – где и когда возник памятник, исследование содержания которого проливает свет на тогдашние верования и умонастроения, на картину мира людей, коим посчастливилось довести до нашего сведения фрагменты своей культуры. Куда существеннее вывод о том, что историку невозможно уклониться от задачи воспринять идущие из этой культуры импульсы и сигналы и попытаться хотя бы частично реконструировать внутренний мир тех, кто, казалось бы, был начисто его лишен. Констатация того факта, что в большинстве слу-

чаев историки не имеют доступа к подобного рода феноменам, ни в коей мере не может избавить их от понимания наипростейшей истины: верования, мысли, представления и духовные ценности были органически присущи тем, кого наш научный анализ заключил в тот или иной обездушенный и обезжизненный case.

Так, по крайней мере, дело представляется автору настоящих строк. Что касается профессора Уикхема, то в его концепции эта сторона дела напрочь отсутствует. Источников нет попросту потому, что их существование не предполагается. Еще раз повторю: текстов изучаемой эпохи, в которых могли бы найти свое выражение те или иные черты мировиденья простолюдина, до обиды немного, но и тех, которые имеются, вполне достаточно для доказательства того, что простолюдин этот обладал, не мог не обладать своим культурно обусловленным сознанием. А потому исключить из картины социальной действительности наличие этого сознания и его воздействие на нее невозможно и в тех 90 или даже 99 случаях из 100, когда прямо и непосредственно источники ничего нам не сообщают. Отвлекаясь от подобной мысли, историк “крестьянского способа производства” рискует обречь себя на упрощенное и обесчеловеченное понимание самого этого способа производства.

Профессор Уикхем вынужден признать, что многие его утверждения или предположения относительно внутреннего устройства “крестьянского общества” сугубо гадательны, ибо (мы вновь слышим все ту же ламентацию) нет источников. Я задаюсь вопросом: не сменились ли бы чисто умозрительные рассуждения о внутренней структуре “крестьянского общества” чем-то более впечатляющим, если бы мы внимательно прислушались к голосам, доносящимся из глубины столетий? Конечно, трудно представить себе вочую отношения между древнесаксонскими эделингами, фрилингами, лацци и рабами, которых покорил Карл Великий и которые подняли восстание Stellinga полстолетия спустя. Фразеология “Саксонской правды” и хрониста Нитхарда не слишком-то проливает свет на внутреннюю ситуацию в Саксонии и еще меньше на умонастроения представитель упомянутых социальных градаций. Не упустим из виду, помимо всего прочего, и того немаловажного обстоятельства, что рисующие саксонский case правовые и нарративные источники написаны на латыни, а не на народном языке.

“Песнь о Риге”, записанная намного позднее и не там, а в Исландии, могла бы тем не менее, по моему убеждению, послужить лабораторией для постижения поэтической и “социологической” мысли людей, испытывавших потребность взглянуть на самих себя, на свой социум не через холодные окуляры оксфордского профессора, а изнутри, в контексте культуры и верований тех, кто принадлежал к “аграрной цивилизации”. Да извинит меня читатель за то, что я

вновь возвращаюсь на собственные следы. Но “Карфаген должен быть разрушен”, – имею в виду марксистско-позитивистскую методологию, пробравшуюся к нам из XIX в. в 2006 год.

Профессор Уикхем может возразить, что сюжет, избранный им для исследования, охватывает строго очерченный период между 400 и 800 годами, тогда как те примеры, на которые я позволил себе вновь сослаться, содержатся в рукописях XIII–XIV вв. Он полагает, что время Каролингов ознаменовалось упадком и размыванием “крестьянского общества” (см. об этом ниже). Но почему я должен следовать подобной логике, явно противоречащей содержанию и смыслу исторических источников? Многие существенные аспекты крестьянской цивилизации с наибольшей наглядностью продемонстрировали себя вовсе не до 800 г., а столетиями позднее. О чем это говорит? Отваживаюсь на гипотезу: “крестьянское общество” не представляло собой какого-то относительно краткого этапа в социальном развитии Европы; оно при всех пертурбациях обнаруживало поразительную устойчивость и в определенном смысле сохранялось вплоть до Нового времени. Едва ли правомерно представлять себе это аграрное общество в виде не слишком протяженного временного периода, следующего за Античностью и предшествующего феодализму. Даты, столь решительно поставленные нашим автором: 400 и 800 гг., – кажутся мне чрезвычайно произвольными и, во всяком случае, никак не проистекающими из существа анализа. Откуда взялись эти хронологические рамки, не только подозрительные в силу своей закругленности, но (и это главное) навязываемые профессором Уикхемом всем регионам и странам западного и восточного Средиземноморья, равно как и центральной, и северной Европы? Уважаемый коллега, разумеется, сознает условность подобного рода дат. Но, подчинившись собственному созданию, он отказался, весьма произвольно, от использования в своем построении принципа *longue durée*.

* * *

Мне кажется уместным напомнить здесь о том, что понятие *peasant society* остается чрезвычайно малопривычным даже для наших медиевистов. Ведь оно сложилось сравнительно недавно, преимущественно в 60-е годы XX в., в кругу западных антропологов, занимавшихся Латинской Америкой и Евразией. Ныне все более выясняется, что это понятие – разумеется, со всеми необходимыми и существенными поправками и уточнениями, – может быть продуктивным применительно и к Старому Свету (подобно тому как несколько раньше понятие *mentalité*, обсуждавшееся Леви-Брюлем в контексте анализа “первобытного мышления”, было после необходимой критической проработки и переосмысления внедрено Февром, Блоком

и их последователями в инструментарий медиевистики). Почти с самого начала своего существования понятие *peasant society* получало различные интерпретации, что вполне естественно, если принять во внимание его связь с традиционным “формационным подходом”. Поэтому я нахожу уместным, прежде чем продолжить знакомить читателя с концепцией профессора Уикхема, вкратце охарактеризовать иной подход к этому понятию.

Эта иная точка зрения выражена, в частности, в книге Вернера Рёзенера “Крестьяне в европейской истории”². Работа эта была предназначена для издаваемой Жаком Ле Гоффом серии “Строить Европу”, и интересующая нас проблема лишь сравнительно бегло в ней рассмотрена. Тем не менее главное выражено с полной определенностью.

Peasant society представляет собой, по Рёзенеру, комплекс общественных и экономических отношений, распространенных и даже доминировавших среди деревенского населения Европы на протяжении целого тысячелетия. Следовательно, речь должна идти не о каком-то более или менее скоропреходящем феномене, но о чрезвычайно длительной исторической эпохе – от образования системы барских дворов (сеньориального домена) во Франции до освобождения крестьян в конце XVIII и в XIX в. Соответственно, здесь историку приходится оперировать особыми категориями времени, равно как и вновь вдуматься в соотношение понятий “динамизма” и “статики”.

Эта социальная и экономическая организация оставалась, собственно, вне поля зрения историков, поскольку в центре их внимания традиционно находились (и до сих пор находятся) “вертикальные” связи между сеньорами и крестьянами, которые играют в ученых построениях медиевистов преимущественно или исключительно несамостоятельную, подчиненную роль “эксплуатируемых трудящихся масс”. Приходится констатировать, что многие современные историки унаследовали от средневековых аристократов высокомерно-пренебрежительный взгляд на непосредственных производителей той эпохи. Если европейскому крестьянству в действительной истории удалось, пусть сравнительно недавно, добиться освобождения, то в исследованиях профессоров оно этой эмансипации далеко еще не достигло.

Давая беглую характеристику европейского “крестьянского общества”, Рёзенер вычленяет такие его единые, общие черты: сеньориальная зависимость, трехполье, семейные промыслы, относительная самостоятельность внутريدеревенских отношений и устойчивость системы крестьянских ценностей. К сожалению, кажется мне, этот автор не нашел необходимым в должной мере углубиться во внутреннюю социальную стратификацию сельского населения, ко-

торое на всем протяжении своей истории не оставалось однородным, а подчас было глубоко дифференцированным, так что межкрестьянские отношения могли иметь не меньшее значение в жизни деревни, нежели ее отношения с крупным землевладельцем.

Для крестьянства ряда стран Запада, подчеркивает Рёзенер, огромное значение имело так называемое “гуфовое устройство”. Гуфа (Hufe) представляла собой наследственный земельный надел, которым обладала крестьянская семья. Естественно, гуфа неизменно оставалась центром приложения сил семьи. Особенно существенно было то, что обладание гуфой создавало основу для известной крестьянской самостоятельности, экономической и социальной.

Для того чтобы несколько яснее представить себе *peasant society*, мне кажется полезным напомнить о социологической дихотомии *Gemeinschaft – Gesellschaft*, в свое время обоснованной Ф. Тённисом. Хотя в настоящее время кое-кто из социологов ставит под сомнение убедительность этого построения, я позволю себе его придерживаться. Ибо такие черты *Gemeinschaft*, как наличие прямых контактов между членами сравнительно немногочисленного, а потому и не анонимного сообщества, как отсутствие в нем строгой и все определяющей жесткой социальной структуры, суть неотъемлемые характеристики “крестьянского общества”. В немалой мере напоминая *Gesellschaft* с присущими последнему напряженностями и конфликтами и включая в свой организм многие ростки тех противоречий, которые в полной мере могли бы развиваться в более дифференцированном обществе, *peasant society* носит в себе “бациллы” подобного развития.

Введение концепта *peasant society* оказалось возможным в результате радикального изменения взгляда на общественные порядки и аграрный строй средневековой Европы. Барскому домену, рыцарскому замку и всему аристократическому образу жизни пришлось несколько потесниться для того, чтобы дать место крестьянской семье, сельской гуфе и деревенской сходке. Никто не намеревается посягать на значимость сеньориально-вассальных связей и всех отношений, ими предполагаемых. Но кажется обоснованным желание увидеть наряду с “парадной” стороной средневекового общества и его более грубую, но в высшей степени существенную изнанку – крестьян в европейской истории.

* * *

Говоря о проблеме “крестьянского общества”, я решаюсь утверждать, что понятия прогресса, развития, исторической динамики здесь приходится существенно модифицировать. В работах разных лет мне неоднократно доводилось затрагивать эту сторону вопроса. Ни в коей мере не намереваясь превращать *peasant society* в некую

недвижимую окаменелость, я вместе с тем хотел бы подчеркнуть: совершенно естественным образом историки смотрят на свой предмет сквозь категории изменения, неустойчивости и динамизма. Однако, после того как мы всерьез восприняли идею множественности временных ритмов, в спектре которых существует исследуемое нами общество, нам приходится все более пристально всматриваться в особенности протекания времени, присущие тем или иным уровням действительности. В частности, невозможно отрицать различия во временных ритмах, каковым подчинялась жизнь горожан, крестьян, монахов, духовенства, мелкого рыцарства и высокородной аристократии. Крестьянство более глубоко, нежели иные слои средневекового общества, подчинялось природным ритмам и едва ли вплоть до конца эпохи (а может быть, и еще позднее) было способно вырваться из тисков мифа о вечном возвращении. Ни освоение новых территорий под пашню, ни постепенное распространение более продуктивных методов обработки земли, ни относительное укрепление торговых связей деревни с городом, ни возраставшее давление на крестьян со стороны господ и королевской власти, побуждавшее их интенсифицировать свой труд, – все эти изменения, подчас драматичные, не могли радикальным образом расшатать и тем более разрушить той основы, на которой воспроизводило себя *peasant society*.

Я легко допускаю, что это общество более или менее заметно изменялось – может быть, под воздействием высившихся над ним социальных и политических сил скорее, нежели вследствие внутреннего развития, – но при всем при том оно оставалось консервативным в самой своей основе и, осмелюсь утверждать, сохраняло свои характерные черты вплоть до времени падения феодализма. Его вклад в развитие идей и ценностей был иным, нежели вклад бюргеров и духовного сословия, ученых и гуманистов. Но все эти особенности, включая консерватизм и преобладание статики над динамикой, никак не дают оснований для его игнорирования или недооценки. И здесь я солидарен с профессором Уикхемом, который, демонстрируя различия в природных, этнических, политических и хозяйственных условиях жизни того или иного региона, неизменно выявляет такие черты крестьянского общества, как относительная малоизменчивость, способность ко внутренней самоорганизации и сравнительная экономическая и социальная автономия мелких собственников. В одних регионах у них оказывается достаточно сил для того, чтобы противостоять нажиму, в других эта способность с трудом обнаруживается, и Уикхем старается объяснить причину этих различий. Нетрудно видеть, что он разделяет определенный взгляд на природу тех социальных и экономических отношений, которые он квалифицирует как феодальные. Вряд ли читатель его книги чрезмерно удивится тому, что легче всего под это определение “феодального” нашему историку

оказалось подвести те отношения, которые он обнаружил преимущественно в Иль-де-Франсе. Что и требовалось доказать...

Существенно то, что Уикхем придает немалое значение внутрикрестьянским отношениям, на которые его предшественники, как мне кажется, не обращали должного внимания. Прежде всего это радикальная противоположность личной свободы и рабства. Крестьянин-держатель, при большей или меньшей ограниченности своих личных и имущественных прав, тем не менее противопоставит бесправному рабу. И эта противоположность, в одних регионах со временем несколько смягчавшаяся, в других оставалась основополагающей до конца Средневековья.

Крестьянство, в глазах историков противостоящее господам как нечто целое, в своей действительной повседневной жизни отнюдь не отличалось гомогенностью. Вообще говоря, мы едва ли найдем в истории такие общественные объединения, которые строились бы на принципах всеобщего равенства и свободы. Любой социум, сколь ни примитивен он был, с неизбежностью переживал внутреннюю дифференциацию. Это вполне относится и к *peasant society*. Оно было расслоено на ряд имущественных и социально-правовых групп, и между ними складывались многообразные и противоречивые отношения. Находясь под властью крупного землевладельца (или подчиняясь одновременно нескольким господам), крестьянин вместе с тем вполне мог быть патроном или притеснителем других держателей, рабов и наемных работников. Медиевисту, обладающему способом проникновения в недра средневековой деревни, нужно быть готовым к тому, чтобы найти в ней многосложную социально-правовую и экономическую неоднородность. Эта неоднородность не исключала даже возможности перехода отдельных возвысившихся крестьян в низший слой благородных, хотя, конечно, память о сервильном происхождении подобного рода выскочек-“нобилей” неизбежно сопровождала их на протяжении нескольких поколений.

Однако, подчеркивает Уикхем, хотя крестьянское сообщество и не было *абсолютно* эгалитарным, т.е. существовали разные виды неравенства как внутри домохозяйств, так и между ними, оно было *относительно* эгалитарным в том смысле, что социальные ранги были неустойчивы и отсутствовали институциональные гарантии сохранения власти и богатства за теми или иными индивидами или семьями. В условиях отсутствия экономического накопления в крестьянской среде имущественный и социальный ранг зависел от соблюдения ритуалов взаимности.

Короче говоря, констатация того, что перед нами крестьянин, в действительности говорит о немногом. Куда важнее было бы увидеть его в той пестрой, многоликой и текучей социальной среде, которая жила сообразно присущим ей закономерностям и обычаям и

подчас имела мало общего с привычным для историков противостоянием “феодал–крестьянин”. Если феодальная система строится на производстве, извлечении и распределении прибавочного продукта, то отношения внутри “крестьянского общества” обладали существенно иными характеристиками. Именно поэтому я в вышеприведенном тексте старался подчеркнуть значение межкрестьянских объединений, которые выражались во взаимной помощи, эквивалентном обмене, празднествах и пирах, равно как и в регулярно созывавшихся местных и региональных сходках, одновременно выполнявших судебные функции и роль центров обмена и распространения информации. Если здесь налицо и антагонизмы, то было бы неверно рассматривать их в отрыве от механизмов взаимодействия и сотрудничества.

По мнению Уикхема, об оппозиции “феодал–крестьянин” вообще не приходится говорить как о доминирующей черте социальной структуры Западной Европы в раннее Средневековье. В начале средневекового периода, в связи с сокращением аристократического землевладения после крушения Римской империи, многие территории стали независимы от власти знати, так что зоны, где господствовала аристократия, перемежались с зонами преимущественно крестьянского землевладения, “подобно пятнам на леопардовой шкуре”. До конца каролингского периода даже там, где власть короны и аристократии была сильнее всего (например, в Иль-де-Франсе), она не была и не стремилась быть настолько всеохватной, чтобы поглотить и подорвать автономные экономические системы всех деревень, населенных крестьянами-собственниками. Лишь приблизительно с рубежа IX столетия, пишет Уикхем, крестьянское общество начинает уступать место феодальным отношениям. К 1000 (на Севере к 1300) году, как утверждает автор, от крестьянского способа производства в Европе остались лишь следы.

* * *

Пожалуй, одна из наиболее интересных черт “крестьянского общества”, но вместе с тем и такая его черта, которая в высшей степени затрудняет его систематическую характеристику, заключается в текучести и трудноуловимости его облика. Я позволю себе в чрезвычайно сжатом, конспективном виде продемонстрировать эту сложность опять-таки на исландском материале.

Колонисты – выходцы из Норвегии и других скандинавских стран – в IX–X вв. заселили прибрежную кромку острова, в общем и целом воспроизводя здесь привычные для них хозяйственные и социальные порядки. Земледельцы, скотоводы и рыболовы основывали собственные хутора, в которых под эгидой домохозяина жили семья, более дальние родичи, а также наемные работники, прибывши-

ся к хозяину бедняки и, в довольно большом числе, рабы и вольноотпущенники. Подобный микромир отличался автаркией и в хозяйственном, и в правовом отношении. В этой семье или семейной общине равенство отсутствовало, и все ее члены пребывали под строгим контролем бонда-хозяина, единовластно возглавлявшего это общество.

На хозяине лежали обязательства обеспечить возможно более благоприятный уровень материального существования (по тогдашним европейским континентальным “нормам” весьма низкий), и, что было не менее существенно, безопасность и соблюдение человеческого достоинства. Естественно, между отдельными хуторами не существовало ни имущественного, ни социального и нравственного равенства, и уровень, на котором находилась та или иная семья, прежде всего определялся общественным статусом и личным авторитетом бонда. “Саги об исландцах” содержат богатейший материал, характеризующий неустанные и непрестанные заботы хуторян о поддержании и упрочении своего статуса, т.е. уважения, которым бонд и его люди пользовались среди окружающих хозяев. Стратегия поведения, которой бонд не мог не придерживаться, заключалась в том, что ему постоянно приходилось устанавливать или поддерживать дружеские связи с влиятельными людьми. В этом отношении особую важность приобретали взаимные посещения и обмен подарками. Последние могли быть очень скромными – важна была та коммуникативная функция, какую они выполняли, ибо получение дара воспринималось в этом обществе как установление почти нерушимых связей между теми, кто дарами обменивался. Авторитет бонда определялся и его материальным достатком, и наличием у него друзей, а также работающих и боеспособных людей в его доме, готовых поддержать своего бонда в конфликте с другими лицами.

Но одновременно и, пожалуй, в еще большей степени общественный вес свободного и полноправного человека зависел от его личных качеств, ума и физических способностей. Эти “самостоятельные люди” (выражение Халлдора Лакснаса) в социальной жизни отнюдь не были так уж самостоятельны. Силы социального сцепления действовали как по горизонтали, так и по вертикали. Для того чтобы обеспечить устойчивость своего микромира, бонд, как мы видели, должен был поддерживать определенные отношения с другими хозяевами, населявшими отдаленные один от другого хутора. Вместе с тем ему, как правило, приходилось искать себе покровителя. В каждой округе имелись владения наиболее могущественных собственников, которых их соседи именовали “большими людьми”, или “хёвдингами” (главарями, предводителями). Хёвдингом мог быть преуспевший бонд, но среди этих влиятельных хозяев существовали и потомки людей, родословные которых восходи-

ли еще ко временам до начала колонизации Исландии. Хёвдинг – человек, сумевший укрепить свое общественное влияние и добившийся того, что другие бонды видели в нем своего предводителя. Некоторые из хёвдингов именовались “годи” (godi), что указывало на жреческие функции, которые “годи” выполнял в своем коллективе (Исландия приняла христианство в 1000 г.). Но было бы неточным видеть в “годи” прежде всего языческого жреца. Он был предводителем бондов, а они образовывали его “годорд” (godorð). К отношениям между годи и бондами, входившими в его годорд, едва ли безоговорочно применимы понятия господства и подчинения. Бонд мог примкнуть к тому или другому годи на основе частного договора между ними, но он был волен покинуть этого покровителя и найти себе другого. В Исландии уже действовало неписаное, но всем известное право, нормам которого все должны были повиноваться, но отношения между бондами и годи не регулировались какими бы то ни было правовыми нормами. Уважение и авторитет, которыми пользовался тот или иной годи, его способность воздействовать на примкнувших к нему бондов, мера его влияния на решения возглавляемого им тинга – судебного собрания, – все это в конечном итоге зависело от соотношения сил и влияний отдельных лиц, но отнюдь не от какой-то системы устоявшихся и законодательно закрепленных юридических статусов.

Как видим, тенденции равенства и уважения полноправия каждого из хуторян причудливо и неразрывно переплетались с тенденциями противоположного свойства – с тенденциями покровительства, зависимости, служения и повиновения. Среди основных социальных ценностей, на которых строилось это peasant society и которые оно всемерно защищало и утверждало, мне хотелось бы вновь подчеркнуть человеческое достоинство, самосознание индивида. Более, чем о своем материальном достатке и внешнем благополучии, свободные бонды пеклись о незапятнанности собственной репутации; как сказано в “Речах Высокого”, одной из поэм “Старшей Эдды”, ни скот и иное имущество, ни сама жизнь не представляют собой такой безусловной ценности, как суждение об индивиде, сложившееся у его окружения. Эта бросающаяся в глаза забота о личной чести, о достоинстве свободного человека побуждает меня квалифицировать такие его коренные установки как своего рода индивидуализм. Разумеется, индивидуализм свободного хуторянина, участника судебной сходки-тинга, человека, который обнаруживает влечение к познанию жизни себе подобных (отсюда неистощимый интерес к семейным сагам), бесконечно далек от индивидуализма носителей идей Возрождения. Назовем этот индивидуализм архаическим.

Религиозность, приверженность ритуалам и магическим практикам, своеобразные представления об устройстве “большого” и “мало-

го” миров – все это неотъемлемые компоненты существования “крестьянского общества”. Скованность жестким форматом статьи не позволяет мне хотя бы вкратце остановиться на описании тех черт культуры этого общества, сведения о которых сохранились в источниках, несмотря на упорную работу церкви по искоренению и замалчиванию народных superstitiones. Проблему “народной культуры”, в которой неразрывно и причудливо переплетались элементы христианства (“приходского католицизма”) с языческими верованиями и практиками, надлежало бы изучать в общем контексте peasant society.

Как мне кажется, знакомство с устройством общества, широко обрисованного в “сагах об исландцах”, могло бы помочь нам понять, до какой степени “крестьянское общество” было внутренне дифференцированным, не раскалываясь вместе с тем на антагонистические группы или зародыши социальных классов. Исландия в XII–XIII вв. пережила ожесточенные внутренние усобицы, вызванные прежде всего соперничеством между могущественными хёвдингами; она даже утратила свою независимость, подпав под власть норвежских королей. При этом влияние наиболее богатых и властолюбивых исландских предводителей роковым образом расшатывало то общественное устройство, основные контуры которого мы наблюдали выше. И тем не менее я решаюсь высказать предположение, что peasant society, историко-социологический тип которого встречается в case studies профессора Уикхема, просуществовало на этом острове на протяжении всего Средневековья. Известная датская исследовательница С. Хаструп назвала Исландию island of anthropology. Именно здесь перед умственным взором историка-антрополога открывается возможность ближе понять внутреннее устройство этого социологического феномена. Возможность эта воистину уникальна. В определенном смысле это исключение, но “нормальное исключение”, побуждающее нас заново осмыслить такой исторический тип социальной организации, который продолжает ускользать от взора медиевистов.

* * *

Уважаемый читатель предлагаемого мною текста, несомненно, с малых лет был приучен к мысли, что крестьянин чуть ли не на протяжении всей своей истории был “общинником”. Согласно общепринятой догме, родоплеменная община на протяжении тысячелетий оставалась той формой, в которой кристаллизовался каждый ее член, и переход на заре Средневековья к “земледельческой”³, а затем и к соседской общине не высвобождал его личности.

Куда более убедительными представляются мне утверждения профессора Уикхема о том, что на протяжении длительного времени поселения деревнями, относительно крупными объединениями

домохозяев были сравнительно редки, уступая преобладающему типу разрозненных и обособленных усадеб либо небольших групп хозяйств, состоявших всего лишь из нескольких дворов. Эти утверждения солидно обоснованы археологическими находками последних десятилетий. Например, ютландское селение Vorbasse, как пишет Уикхем, существовало на протяжении как минимум 2 тыс. лет с I в. до н.э., причем если на ранних этапах своей истории оно неоднократно меняло местоположение (в радиусе километра), то около 1200 г. оно приобрело большую территориальную стабильность. Количество домов, следы коих восстановлены, в этой и подобных ей деревнях обычно не превышает десяти – максимум двадцати. Южнее, в Италии, среди раннесредневековых крестьянских поселений, следы которых изучены, преобладают изолированные усадьбы.

В поселках описанного выше типа, несомненно, занимались ремеслом, что давало основу для локального товарообмена. У Уикхема нет сомнений в том, что в подобных поселениях немалую роль играло рабство. Что касается высшей прослойки деревенского населения, то остается не вполне ясной степень ее устойчивости и привилегированности.

Внутренняя колонизация, расчистки и освоение новых земель, потребность в которых нарастала по мере увеличения численности населения, – эти явления сделали существенными факторами социальной жизни, собственно, лишь на рубеже тысячелетий. Соответственно, как полагают Шапло и Фосье, Тейлор и Дайер, “деревня” в привычном, общепринятом ныне смысле этого слова возникает лишь между IX и XII вв. Только в период высокого Средневековья, с возникновением замков, сельская община с ее аграрными порядками (система открытых полей, трехполье, принудительный севооборот и выпас по жнивью), с церковно-приходской жизнью (организованной вокруг сделавшихся многочисленными каменных церквей) и с возросшими заботами о внутренней самоорганизации приобретает те черты, которые историки-медиевисты, социологи и философы слишком долго принимали за исконные и неизменные основы крестьянской жизни.

Итак, в свете данных, накопленных наукой к настоящему времени, община обретает исторический облик, и в том виде, в каком она известна нам в период высокого и позднего Средневековья, она возникает и развивается вместе с крестьянством. Иными словами, в период перехода от Античности к Средневековью можно констатировать смену римского поместья (*fundus*) небольшой рыхло организованной деревней, что было, по-видимому, связано с крушением имперской системы налогообложения, утратой римской аристократией ее былого могущества и возрастанием автономии и социального веса мелких собственников.

* * *

Книга Уикхема охватывает и ряд других сторон социально-экономической жизни Европы в начале Средневековья, но центральной и наиболее интересной из них представляется мне именно проблема *peasant society*. Ибо как раз в ходе обсуждения указанной проблемы с особой наглядностью выступают сильные и слабые стороны его концепции. Понятие “*peasant society*”, занесенное логикой развития гуманитарных наук из соседних дисциплин, оказывается тем оселком, на котором испытывается методология автора. Как я полагаю, даже помимо намерений профессора Уикхема перед читателем монографии обнажается заложенная в нее методология.

Боюсь, что не впаду в преувеличение, если скажу: новую для исторической науки капитальную проблему, проблему *peasant society*, автор пытается решать, исходя из традиционно понимаемой марксистской доктрины. В поле его зрения неизменно остаются одни только аспекты экономической и материальной жизни – распределение земельной собственности и оформление прав на нее, эксплуатация сельского населения, ренты, структура сельских поселений и иные подобные же элементы социально-экономического анализа, которые в свое время исследовались многими медиэвистами. Трудность заключается не в возвращении ко вполне почтенным аспектам исторического исследования, а в другом. Подведенный логикой собственного анализа к новой большой проблеме “крестьянского общества”, профессор Уикхем пытается вскрыть тайны этого историко-социологического явления при помощи явно устаревших приемов. Он не расположен принять в расчет, притом в расчет не формальный, но такой, который требует от историка радикальной прочистки применяемых им понятий, того, что “крестьянское общество” – это общество живых людей, которые вели себя осознанным образом и руководствовались культурными ценностями в своей практической жизни, в том числе и производственной.

Неужели мы все еще не дожили до признания того, что в истории, в том числе и экономической, действуют не абстрактные категории, но живые субъекты, и что поэтому к ним и необходимо соответствующим образом обращаться? Иначе говоря, в общем виде никто вроде бы и не склонен отрицать эту очевидность, – трудности начинаются там, где ее, эту очевидность, нужно претворить в предмет исследовательского анализа и теоретического осмысления. Именно в этот момент историк оказывается лицом к лицу с дилеммой: либо по-прежнему следовать по стопам позитивизма любого толка, в том числе и марксистского, либо перейти на позиции исторической антропологии. Я свой выбор сделал и смею заверить читателя, что легкой жизни он не сулит.

Непредвиденная встреча с капитальным трудом профессора Уикхема побудила меня вновь попытаться взглянуть на те понятия и методы, кои ныне предлагает нам гуманитарное знание, и уже за эту предоставившуюся мне возможность я глубоко признателен оксфордскому коллеге.

¹ Wickham C. Framing the Early Middle Ages. Europe and Mediterranean 400–800. Oxford, 2005.

² Rösener W. Die Bauern in der europäischen Geschichte. München, 1993.

³ Термин “земледельческая община”, заимствованный в рукописях Маркса, был применен А.И. Неусыхиним в качестве характеристики переходного типа общины от доминирования коллективизма к частичному высвобождению аллода из-под общинной собственности на пахотные земли. Период подобных трансформаций охарактеризован исследователем как “дофеодальный период”. Не вдаваясь в детальное рассмотрение концепции А.И. Неусыхина, который, насколько я мог его понять, склонялся к тому, чтобы осмыслить “дофеодальный период” в теоретическом ранге чуть ли не особой общественной формации, приходится признать, что, по его мнению, это социально-экономическое образование завершило свою историю в конвульсиях каролингского периода. См.: Неусыхин А.И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968. Кн. 1; Он же. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 1: Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 137–176. Призрак peasant society, возникший было на страницах указанных работ А.И. Неусыхина, тут же бесследно и исчезает.

